

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

М.А. Хохряков*

ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ключевые слова: модель, исторический, пределы, судебное разбирательство, условия, уголовный процесс.

М.А. Khokhryakov. Historical Patterns of Trials Bounds in Criminal Procedure

Criminal trial bounds are one of the key guaranties of individual's right against unlawful and unreasonable accusation, conviction and restriction of its rights and freedoms. This article attempts to consider trial bounds as a system. Elements of the system of trial bounds have been revealed and influence of these elements on the criminal trial and trial bounds has been studied. Specific historical types of criminal procedure have been considered and there comparative analysis has been made. Trial bounds of criminal procedures of ancient Rome medieval France and England have been studied. Also trial bounds of German criminal procedure have been examined. On the ground of obtained results historical patterns of trials bounds have been made. These models let us see the evolution of trial bounds in criminal procedure irrespective of country and age. Thereby we can understand clearly the essence of this institution of criminal procedure and its significance for criminal procedure and trial in whole. So we can exactly realize trial bounds role in human rights and interests securing.

Пределы судебного разбирательства уголовных дел являются одной из важных гарантий личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Более того, можно сказать, что пределы являются краеугольным камнем в системе прав участников судебного разбирательства и в первую очередь подсудимого. Именно они обеспечивают реализацию права на защиту и права знать, в чем лицо обвиняется. Пределы определяют предмет судебного разбирательства и, следовательно, содержание приговора. В определенной степени они влияют и на пределы доказывания – через понятие пределов судебного разбирательства реализуется такое свойство доказательств, как их достаточность. Получается, что пределы судебного разбирательства – понятие сложное, неоднородное, состоящее из самостоятельных элементов, находящихся в системном единстве. Таким образом, можно говорить о модели пределов судебного разбирательства, которая включает в себя следующие структурные элементы:

- реализация права на защиту;
- наличие состязательного начала в процессе;

* Аспирант Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина.
[ta6y@rambler.ru]

- предмет доказывания;
- пределы доказывания и достаточность доказательств;
- содержание приговора.

В свою очередь, каждый элемент оказывает обратное воздействие на систему в целом; различные сочетания, формы реализации их в процессе формируют различные модели пределов судебного разбирательства. Проанализировав несколько конкретных видов уголовного процесса, попробуем на основе указанных выше элементов построить возможные модели пределов судебного разбирательства.

Пределы судебного разбирательства в уголовном процессе появились еще в Древнем Риме. Первый период в истории римского уголовного процесса характеризуется полным отсутствием твердых материальных и процессуальных норм. За исключением тех преступлений против частных лиц (*delicta privata*), которые были предусмотрены в Законах XII таблиц, вся остальная область преступлений публичных (*delicta publica*) оставалась без всякого определения. Не существовало и каких-либо процессуальных норм. Общим источником уголовного и уголовно-процессуального права служило *coercitio* магистратов, то есть их свободное усмотрение. Такое же утверждение справедливо и к комициям, которые получили (с 287 до н.э.) наряду с законодательной и судебную власть. При таком смешении функций, позволявшим комициям творить суд, не подчиняясь закону, а нередко и реформируя его по какому-либо конкретному делу, допускалось неограниченное изменение обвинения. В этом случае вообще нельзя говорить о пределах судебного разбирательства, так как не существовало ни уголовного, ни уголовно-процессуального законодательства, ни судов.

Ситуация изменилась с появлением *quaestiones perpetuae* (около 149 г. до н.э.) – правильных уголовных судов, образованных для рассмотрения уголовных дел вместо сената или народа. Тогда же для отдельных преступлений были созданы свои законы, содержащие и порядок преследования за совершение закрепленных в них деяний. Пределы разбирательства определялись уже в самом начале процесса, когда произносилась обвинительная жалоба – *nominis delatio*. Она произносилась устно с занесением в протокол или подавалась в письменной форме в прошении, называвшемся *libellus*. В жалобе указывалось юридическое основание обвинения, а также приводились фактические обстоятельства совершенного преступления. Таким образом, предмет обвинения определялся как предмет иска в гражданских делах. Такая процедура напоминает подачу заявления в суд по делам частного обвинения. В заявлении очерчивались пределы будущего разбирательства, определялось, против чего должна будет направить свои усилия защита. Средствами доказывания служили клятвы, поединки, ордалии. Если же при производстве по делу выяснялось, что совершенное обвиняемым деяние не соответствует уголовному закону, по которому лицо обвинялось, то должно было последовать оправдание обвиняемого. Не допускался переход даже к родственному преступлению, если оно не подходило под тот закон, согласно которому было сформулировано обвинение при подаче жалобы. Цице-

рон в своем сочинении *De inventione* приводит пример, где жалоба говорила об отравлении, но суд обвинил лицо в отцеубийстве. Таким образом, весь процесс получил неверное направление, и обвиняемый мог быть осужден только за отцеубийство даже том случае, если смерть отца не была бы доказана, что Цицерон считает несправедливым и советует защитнику обратить внимание именно на этот момент¹. Таким образом, в силу необходимости для суда вынести решение и того, что пределы разбирательства жестко устанавливались поданной жалобой, и *quaestiones perpetuae* не могли применить иной закон, чем тот, к применению которого они призывались, следовало оправдание лица даже в случае установления того факта, что обвиняемый совершил другое преступление.

В такой ситуации интересы заявителя и государства по привлечению виновного к ответственности обеспечивались возможностью нового преследования того же лица за то же деяние, по которому лицо было оправдано, но с иной квалификацией. В то же время, однако, невозможно было обвинение одновременно в двух или нескольких преступлениях, так как конкретная *quaestio* не обладала юрисдикцией рассматривать дела по всем преступным деяниям. Разрешалось только изменение фактических обстоятельств дела, не затрагивавших юридическую квалификацию. Допускалось, например, уменьшение суммы полученных посредством вымогательства денег².

Таким образом, пределы судебного разбирательства определялись жестко в самом начале процесса и не могли быть изменены – в любом случае следовало вынесение приговора по первоначальному обвинению.

В императорскую эпоху по мере распространения экстраординарного процесса судьи получают большую свободу и в выборе наказания, и в исследовании события преступления. Становится возможным изменение предмета обвинения, в некоторых категориях судов возможно соединение обвинений в нескольких разнородных деяниях. На смену клятвам и поединкам приходит расспрос свидетелей, очевидцев. Постепенно в привычку судей входит распространять судебное разбирательство не только на предъявленное обвинение, но и вообще на всю деятельность обвиняемого. Иногда предметом приговора становилась даже деятельность другого лица, а не обвиняемого. Например, приговор мог быть вынесен в отношении свидетеля, которого изобличили в даче ложных показаний во время разбирательства. Таким образом, не обеспечивалось право на защиту, отсутствовали какие-либо состязательные начала процесса. Суд при вынесении приговора не был связан первоначальным обвинением и даже обвиняемым. Рамки пределов судебного разбирательства постепенно размываются и исчезают.

Средневековый обвинительный процесс отличался строгим формализмом. Уже в самом начале процесса обвинение облекалось в определенную формулу, которая должна быть доказана. Такие формы, например, закреплены в Салической правде. Неточное произнесение формулы приводило к оправданию под-

¹ Cicero's de Inventione.

² См.: Немировский М. Отношение приговора к обвинению. Одесса, 1906. С. 11.

судимого. Так, например, во Франции в XIII в. неточное обозначение противника в жалобе влекло оправдание, даже если личность обвиняемого была указана достаточно ясно³. Неправильная формулировка жалобы согласно *Assises de Jerusalem*⁴ дает право обвиняемому уклониться от процесса. Такая процедура не позволяла изменять предъявленное обвинение во время разбирательства и не позволяла суду при вынесении приговора выйти за рамки обвинения, изложенного в жалобе. Статья 47 Каролины⁵ закрепляет, что предметом разбирательства и вынесения решения служит деяние, взводимое на обвиняемого обвинителем, допрос обвиняемого относится именно к этому деянию и невиновность в этом деянии он должен доказать. Обвинение должно было быть закреплено в письменной форме – *libellus*, который определял предмет процесса. В *libellus* вносились все улики. Обвинение, сформулированное в *libellus*, не могло быть изменено во время процесса. Статья 20 Каролины запрещала проводить допрос о том преступном деянии, на которое не было указания. Модель пределов судебного разбирательства в обоих случаях сравнима с моделью Древнего Рима периода *quaestiones perpetuae*. Использовались одинаковые средства доказывания – клятвы, ордалии. Предмет разбирательства имел жесткую формулировку и не мог быть изменен, лицо с самого начала процесса знало, в чем оно обвиняется. Суд, в свою очередь, вынужден был выносить приговор только по обвинению, содержащемуся в обвинительной форме. Пределы судебного разбирательства, таким образом, имели жесткое закрепление и не могли быть изменены в какую-либо сторону.

С XIII в. в Европе начинает складываться новый тип процесса – инквизиционный, который состоял в выяснении значимых обстоятельств дела путем расспроса свидетелей из той же местности (*enquête du pays*). Используется новый инструмент доказывания. Таким образом, появилась возможность появления в процессе новых данных, не указанных сторонами. В инквизиционном процессе судья одновременно являлся и обвинителем, и следователем, и лицом, разрешающим дело. Утрачивается такой элемент, как состязательность процесса. Однако сначала и в этом процессе сохранялись рамки следствия и пределы разбирательства. В постановлениях Латеранского собора 1215 г. (каноническое право) привлеченному к следствию предъявлялись пункты обвинения, против которых он направлял свою защиту, следовательно ими определялись пределы процесса. В светском праве также существовала практика предъявления обвиняемому трех пунктов, составлявших формулировку обвинения. Они назывались *articuli* и были основой допроса инквизита, следовательно, составляли предмет обвинения и очерчивали пределы

³ См.: Там же. С. 15.

⁴ Иерусалимские ассизы – сборник юридических памятников Иерусалимского королевства // *Assises de Jérusalem (Recueil des historiens des Croisades. Lois)* / éd. par A. Beugnot. Vol. 1–2. P. 1841–1843.

⁵ Каролина – общегерманское уголовно-судебное уложение, составленное в 1532 г. (см.: Каролина / пер. со средне-верхнегерм., предисл. и примеч. С.Я. Булатова. Алма-Ата, 1967).

следствия и приговора. Допрос свидетелей также проводился только по пунктам, указанным в *articuli*. Но идея о наличии ограничений была чужда инквизиционному процессу. Поэтому постепенно допрос по пунктам теряет свое значение и выходит из употребления, следствие распространяется далеко за пределы первоначально инкриминируемого деяния. Вот что об этом пишет Карл Миттермайер (выдающийся немецкий процессуалист) в 1819 г. в одной из своих статей: «Если во время главного следствия какой-нибудь свидетель выскажет против преследуемого за кражу подсудимого подозрение в обмане или другой краже, или другой свидетель сделает предположение, что подсудимый принимал участие в какой-либо драке, то инквирент находит в этом достаточный повод произвести следствие и о том, о чем высказано подозрение. Таким образом, случается, что уголовные процессы, которые начались о незначительных проступках и легко были бы окончены в каких-нибудь две недели, длятся месяцы и годы и наводит на мысль, что наши инквиренты всякого подсудимого, попавшего в их сеть по какому-нибудь поводу, рассматривают как человека, над которым они беспрепятственно могут производить следственные эксперименты. Вследствие этого уголовный процесс, который и без того представляет опасное средство для нарушения гражданской свободы, обращается в истинное мучение, увеличивая без нужды и без права на это сумму страданий подсудимого. Охота за преступлениями опаснее, чем прежние суды за ересь», – заканчивает Миттермайер⁶.

Но даже в инквизиционных процессах можно встретить элементы, ограничивающие предмет следствия. На них также указывает Миттермайер – это постановления прусского (1805 г.), австрийского (1803 г.) и баварского (1813 г.) законодательства. Сущность этих ограничений сводилась к запрету распространять следствие на вновь открывшиеся деяния, если только подсудимый не признавался в них сам; или же новые деяния являлись тяжкими преступлениями; или же преступления не являлись тяжкими, но расследование которых было важно для возмещения убытков или раскрытия соучастников⁷. Однако под эти критерии подпадало большинство вновь выявленных преступлений. Обвиняемый при этом не мог воспользоваться своими правами на защиту. Предмет доказывания менялся прямо в процессе, приговор также мог быть вынесен за новое деяние.

Связанность суда сделанным обвинителем заявлением дольше всего сохранялась в Англии вплоть до середины XIX в. В отличие от континентальных государств, Англия в области уголовного судопроизводства сохранила преемственность с обвинительным процессом, что проявилось в институте присяжных заседателей, в развитом частнопроводимом начале в уголовном процессе, формализме при составлении процессуальных актов. Обвинение формировалось в обвинительном акте – *indictment*, который предоставлялся для утверждения так называемому большому жюри. Оно не могло внести в акт никаких изменений, а только или отвергало его, или принимало словами *true bill*. В по-

⁶ См.: Немировский М. Указ. соч. С. 26.

⁷ См.: Там же. С. 15.

следнем случае обвинительный акт поступал на разрешение малому жюри и служил основой всего процесса, определяя его предмет и очерчивая его пределы. Недостатки обвинительного акта – неполнота, слишком большая общность выражений, влекли его уничтожение.

В обвинительном акте необходимо было описать преступное деяние, при этом недостаточно было просто назвать преступление так, как оно именовалось в обычном праве или законе (статуте), – нужно было подробно привести все признаки конкретного состава. Требовалось точно указать имя обвиняемого, время и место совершения преступления, предмет преступного посягательства, орудие преступления. В случае выявления неточностей лицо оправдывалось по этому обвинению. Но могло тут же быть обвинено в этом же деянии, но с точным указанием всех необходимых элементов. Позже такая практика была отменена в силу принципа *non bis in idem*.

Существенным ограничением принципа полной неизменности обвинения, сформулированного в *indictment*, служило предложенное английскими юристами и усвоенное судебной практикой правило делимости утверждений (*divisible averments*) обвинительного акта. Согласно этому правилу не всегда доказанность в суде только части обвинения приводило к потере всего дела. Так, обвиняемый мог быть осужден за другое преступление, чем указанное в обвинительном акте, когда первое относилось ко второму, как меньшее к большему. Например, при обвинении в преднамеренном убийстве, если «предумышленное» не установлено судебным следствием, подсудимый мог быть признан виновным в простом убийстве⁸. Таким образом, обвинение могло быть изменено только в сторону, не ухудшающую положение подсудимого.

Небольшое смягчение строгого формализма обвинительных актов произошло при Георге IV. Оно выразилось в разрешении исправлять ошибки, допущенные в приведенных в обвинительном акте документах. Далее, прежний формализм обвинительных актов был устранен, так как суды вынуждены были признать, что подсудимый часто ускользает от осуждения из-за технических строгостей уголовного судопроизводства в вопросах, несущественных для дела, что часто оправдание является результатом несоответствия в отношении имени, даты, места и других обстоятельств. Было решено, что эта строгость может быть смягчена, чтобы наказание виновного было обеспечено, но вместе с тем у подсудимого не должны быть отняты законные средства защиты. Суд при обнаружении несоответствия данных, указанных в обвинительном заключении и полученных на судебном следствии и касающихся названия города, села, вообще места, или имени лица, собственника объекта преступления, потерпевшего, или названия предмета, вещи, мог внести исправления в обвинительный акт, если он решит, что такое несоответствие не затрагивает существа дела и не может повредить защите подсудимого. Также была предусмотрена специальная процедура внесения изменений. Исправления производились одним из чиновников суда, суд для этого

⁸ См.: Там же. С. 45.

откладывал дело и переносил слушания с участием прежних или же новых присяжных, как сам считал удобным. Постановление суда об исправлении записывалось на обороте обвинительного акта или подшивалось к протоколу судебного заседания. Но, несмотря на упрощение формальных требований к обвинительному акту, границы допустимых изменений устанавливались весьма тесные. Даже изменения чисто фактические могли повлечь оправдание обвиняемого. Обвинитель не был избавлен от необходимости приводить подробности деяния, которые затем должен был доказать. Общность формулировки обвинительного акта допускалась только относительно обстоятельств, не существенных для состава преступления. Напротив, обстоятельства существенные, составляющие признаки состава преступления, должны были быть приведены подробно, а приведенные признаки должны были быть доказаны, так как несоответствие утверждаемого с доказанным влекло оправдание подсудимого. Исправление обвинительного акта в случаях неправильного указания существенных обстоятельств дела не было возможно. При внесении изменений в индивидуализирующие обстоятельства суд должен был взвесить, не повредит ли такая поправка защите подсудимого.

Такие строгие требования к формулировке обвинения привели к появлению так называемого эвентуального обвинения, когда одно и то же деяние инкриминировалось различными способами по нескольким пунктам обвинительного заключения. Но все отдельные пункты должны были касаться одного и того же события или деяния. Таким образом, если доказательства не подходили к одному пункту, то подходили ко второму или третьему – какое-нибудь из изображений события все-таки совпадало с действительностью. Однако юристы, в том числе Роско, негативно оценивали такую практику и отмечали, что подсудимый не может делить свое внимание между двумя обвинениями⁹.

Вместе с тем с целью обеспечения интересов правосудия в некоторых случаях сохранялась возможность возбуждения нового преследования против того же лица за то же деяние. Примечательно, что в Шотландии возобновление преследования за те же факты, но с измененной квалификацией, было недопустимо, так как считалось способом обхода принципа законной силы приговора.

Дальнейшее развитие идей о пределах судебного разбирательства после буржуазных революций можно рассмотреть на примере Германии. Так, § 153 *Strafprozessordnung für das Deutsche Reich* провозглашал общий принцип: «следствие и решение распространяется только на обозначенное в иске (обвинении) деяние и на обвиняемых там лиц. В этих пределах суды уполномочены на самостоятельную деятельность и обязаны к ней; в особенности они не связаны сделанными предложениями прокурора при применении уголовного закона». Обвинение, по общему правилу, формировалось прокурором в обвинительном акте, который затем передавался в суд. Обвинительный акт определял предмет иска, а значит, и пределы разбирательства. Как справедливо отмечает Немировский, обвинительный акт служил в заседании «путеводной нитью при

⁹ См.: Там же. С. 68.

разработке доказательств» и «давал указание защите, против чего она должна направить свои усилия»¹⁰. В обвинительном акте согласно § 198 должно было быть обозначено деяние, в котором обвиняется подсудимый, с приведением «законных» признаков и подлежащего применению уголовного закона, а также доказательства, которыми намерен воспользоваться прокурор. Отдельно обговаривался вопрос о конкретизации вменяемого деяния. В обвинительном акте, с одной стороны, требовалась специализация деяния, то есть сопоставление признаков конкретного состава с фактическими обстоятельствами дела, в которых они нашли свое выражение. Такая конкретизация безусловно была необходима в интересах защиты подсудимого. Но, с другой стороны, не признавалось необходимым конкретное описание каждого из признаков состава преступления. Достаточной считалась такая формулировка, при которой не оставалось сомнения в том, какое деяние составляет предмет разбирательства.

Примечательно, что Устав уголовного судопроизводства Германии содержал специальный параграф, касающийся изменения обвинения в судебном заседании. Так, § 264 предусматривал, что осуждение подсудимого на основании иного уголовного закона, чем приведенный в определении об открытии судебного следствия (оно копировало обвинительный акт), не может последовать без особого предварительного предупреждения подсудимого об изменившейся юридической точке зрения и без предоставления ему возможности защиты. Таким же образом суду следовало поступать и в случае, если во время судебного следствия обнаружатся предусмотренные уголовным законом факты, обстоятельства, увеличивающие наказуемость деяния. Речь идет о квалифицирующих признаках, выявленных во время судебного заседания. Получается, что обвинение могло быть изменено и в сторону, ухудшающую положение подсудимого. Однако существовала обязательная процедура, позволявшая стороне защиты подготовиться к опровержению нового обвинения. По ходатайству подсудимого или по собственной инициативе суд должен был отложить заседание, если вследствие изменения положения дела это окажется нужным для достаточной подготовки защиты. Более того, очерчиваются пределы возможного изменения обвинения. Решение Имперского суда¹¹ от 19 декабря 1881 г. предусматривало, что изменение обвинения допустимо до тех пор, пока еще есть конкретное событие, составлявшее предмет определения об открытии судебного следствия. Согласно решению возможно изменение времени, места или отдельных подробностей деяния.

Также необходимо остановиться на гарантиях сторон, в первую очередь подсудимого, от возможных вредных последствий изменения обвинения. Во-первых, это предупреждение о возможности осуждения на основании иного уголовного закона. Данная гарантия является обязательной и ее несоблюдение влечет отмену приговора. Исключение составляет лишь случай, когда один из квалифицирующих признаков состава заменяется другим, но предусмотренным той же частью той же

¹⁰ Там же. С. 167.

¹¹ См.: Там же. С. 167.

статьи. В случае же, когда речь идет о другой статье, предупреждение должно следовать всегда. Даже то обстоятельство, что измененное обвинение относится к первоначальному, как меньшее к большему или как часть к целому, не устраняет необходимости указать подсудимому на изменение. Таким образом, процедура предупреждения должна следовать всегда, даже когда новым обвинением не ухудшается положение подсудимого, если использовать терминологию российского уголовного процесса. К сожалению, законодательно не была установлена форма такого предупреждения. Практика и доктрина германского уголовного процесса сошлись во мнении, что необходимо определенно и ясно сформулировать новое обвинение. Недостаточно просто указать, что деяние может быть рассмотрено как другое преступление – нужно указать, совершение какого именно преступления может быть вменено подсудимому. Такое предупреждение должно быть сделано председателем суда. При этом отмечается, что предупреждение должно следовать как можно раньше, чтобы защита могла воспользоваться своими средствами опровержения и иными мерами. При этом, даже если суд удалился в совещательную комнату, он мог возвратиться в зал заседания, возобновить судебное следствие и предоставить сторонам право высказаться о возможном повороте дела. Данное предупреждение отмечалось в протоколе судебного заседания.

Другой гарантией прав подсудимого при изменении обвинения служила отсрочка разбирательства. Так, согласно § 264 отсрочка обязательно предоставлялась судом по ходатайству подсудимого, не входя в рассмотрение того, насколько это нужно для защиты. Такая отсрочка была возможна при наличии четырех условий:

- изменение обвинения было обусловлено обнаружением новых обстоятельств (это должны быть новые фактические обстоятельства, а не новая точка зрения на уже известные факты);
- изменение могло повлечь применение более строгого уголовного закона;
- наличествует спор подсудимого касательно новых обстоятельств;
- присутствует указание на недостаточную подготовку защиты.

При наличии данных четырех условий отсрочка должна была последовать обязательно. Кроме того, допускалась отсрочка разбирательства и без указанных выше условий, но по усмотрению суда – суд мог отложить разбирательство, чтобы дать время подготовиться сторонам обвинения и защиты, если сочтет это необходимым. Отказ в предоставлении отсрочки при наличии обязательных условий влек за собой отмену приговора.

Подобную модель пределов судебного разбирательства мы можем встретить и в других уголовных процессах европейских стран второй половины XIX в. Они характеризуются наличием состязательных начал, внимательным отношением к праву обвиняемого на защиту. Предмет разбирательства определен достаточно жестко. Если же он меняется, начинает действовать специальная процедура по уведомлению подсудимого об изменившемся обвинении, предоставлялось время для подготовки защиты от нового обвинения. Суд выносит приговор только по тому деянию, которое являлось предметом судебного разбирательства.

Таким образом, мы видим, что пределы судебного разбирательства независимо от страны и эпохи зависят от наличия или отсутствия определенных элементов, их сочетания. По таким критериям, как обеспечение права обвиняемого на защиту, состязательное начало в процессе, предмет и пределы доказывания, а также содержание приговора, можно выделить следующие модели пределов судебного разбирательства:

- модель статичных, жестких, неизменных пределов судебного разбирательства;
- модель свободных пределов судебного разбирательства;
- модель условно жестких или условно изменяемых пределов.

Модель жестких пределов характерна для частносостязательного типа процесса. Независимо от места и времени, этому типу процесса присуще господство состязательного начала. Обвинение формулируется в строго определенной форме и не может быть изменено в начавшемся процессе, пределы разбирательства неизменны. Суд является лишь наблюдателем за «состязаниями» сторон. В качестве доказательств используются клятвы, поединки. Суд обязан был вынести решение только по сформулированному обвинению.

Модель свободных пределов характерна для процесса розыскного типа. Судья в одном лице и следователь, и суд. Полное отсутствие права на защиту и появление новых методов доказывания (допрос свидетелей) приводят к тому, что предмет и пределы доказывания размываются. Суд мог допрашивать любых лиц по любым деяниям, событиям, фактам. Приговор мог быть вынесен как в отношении обвиняемого, так и другого лица. При этом лица могли быть осуждены за совершение любого деяния, а не только того, по поводу которого разбирательство начиналось.

Условно жесткие или условно изменяемые пределы характерны для зрелых публично-состязательных процессов. Разумный баланс между интересами государства, лиц, потерпевших от преступлений, и правом обвиняемого на защиту, состязательное начало процесса создали условия для появления такой модели пределов судебного разбирательства, при которой предмет разбирательства может быть изменен, но с соблюдением определенных обязательных условий. Так, обвиняемый должен знать, в чем он обвиняется и иметь возможность подготовиться к защите от нового обвинения, поэтому были разработаны процедуры уведомления о новом обвинении и отсрочке разбирательства на срок, необходимый для подготовки защиты. Более того, обвинение не могло меняться произвольно – меняться могла лишь юридическая формулировка содеянного, фактическая сторона деяния оставалась неизменной. Данная модель представляется наиболее сбалансированной и учитывающей интересы лиц, потерпевших от преступлений, государства и обвиняемых.

Выявленные модели пределов судебного разбирательства позволяют проследить эволюцию данного института уголовно-процессуального права, лучше понять его сущность и значение для всего уголовного процесса и судебного разбирательства, определить роль пределов в обеспечении прав и законных интересов личности.